

10. Док и Бонни делают покупки

Дж. Б. Хартунг и сыновья, шахтное и инженерное оборудование. Хартунг — младший загрузил взрывчатку Дюпона Доку в багажник его новенького Бюика-универсал. Десять контейнеров, воощеных, герметизированных и опечатанных. Плюс взрывная машинка, капсули, провода, предохранители, обжимные щипцы и зажигательные свечи. Груз выглядел эффектно. Стиль. Класс.

— Что вы будете со всем этим делать, Док? — спрашивает мальчишка.

— Обезьяньи делишки, — отвечает доктор, подписывая последнюю из федеральных форм.

— Там, у себя на ферме.

— Seriously.

— Absolutely seriously.

Абцуг нахмурилась.

— У нас заявка на открытие рудника, — сказала она.

— О-о, говорит мальчишка.

— Тридцать заявок, — говорит доктор.

— Я слышал, золото поднялось до 180 долларов за унцию там в Европе. Собираетесь разрабатывать ваши заявки?

— Верно, — сказал Док. — А теперь заткни вот это себе в рот, то-есть, я имею в виду, в карман.

Мальчишка заглянул в счет. — Ух-ты, большое спасибо, Док.

— Не о чем говорить, молодой человек.

— Приходите снова, поскорее.

— Придем, — сказала Бонни. — Ишь, панк малый, любопытный какой, — добавила она, когда они отъехали. — Я готова была двинуть ему в зубы.

— Ну, ну, он же еще ребенок.

— Еще ребенок. Ты видел это прыщавое лицо? Я уверена, он уже обращался к венерологу.

— Вполне может быть. В этом штате таких половина. А у половины из них — триппер. Мы должны прицепить ярлык на пенис каждого подростка в Нью-Мексико: — Девушки, Изучите Тщательно Перед Тем, Как Взять в Рот.

— Не будь вульгарным.

— Губные гармошки, — продолжал разглагольствовать Док. — Спирохеты. Гонококки. *Treponema pallida*. Подумай: 'Syphilis, Sive Morbus Gallicus' поэма некоего Джироламо Фракасторо, примерно 1530 год от рождения Христова. Герой этой метрической пасторальной трагедии — пастух по имени — я не шучу — Сифилис. Как и многие другие пастухи, он воспылил страстью к одной из своих овечек, чье имя я позабыл. Вот люблю я овечку, и все, говорил Сифилис, и ставил ее задние ноги на свои котурны и... Твердый шанкр появился вскоре после этой любви, а затем и поражение тканей. Он умер ужасной смертью тридцать лет спустя. Отсюда и появилось всеобщее мнение, что сифилис возник от полового сношения.

— Ты должен повысить мне зарплату, — сказала Бонни.

Док вдруг громко запел:

— Мне не нужно шанкра, чтобы я запомнил, Что я только пле-енник любви-и-и-и ... — У тебя такой голос, будто ты уже подхватил шанкр гортани.

— Рак горла. Не стоит из-за этого поднимать тревогу. Когда я был молодой, я тоже хотел быть пастушонком. Но потом обнаружил, что мне больше нравятся девушки.

— Я требую перевода.

— Я требую поцелуя.

— Это будет дорого стоить.

— Сколько?

— Мороженое Баскин-Робинс с двойным клубничным сиропом.

— Хочешь знать мою самую развратную тайную сексуальную фантазию?

— Нет.

— Хочу изнасиловать девушку Баскин-Роббинс. Пока она догребает последнюю сливочную помадку с карамелью. До обеда.

— Доктор, вам нужен доктор.

— Мне нужно выпить. стакан заглотал — усыхать перестал. Что там у нас следующее в нашем списке?

— Он у тебя в кармане рубашки.

— Ах, да. Да. Док Сарвис пробежал глазами бумажку. Бонни вела машину сквозь напряженное уличное движение Альбукерка. Дым его сигары вытекал через открытое окно с его стороны, смешиваясь с общим смогом. — Рукоятки к роторам, — читал он. — Бош и Айземанн, по три каждого вида.

— Они уже есть.

— Заграждения.

— Есть.

— Проверь. Алюминиевая пудра — десять фунтов. Хлопья окиси железа — десять фунтов. Магниева пудра, перекись бария, очиститель — «Аякс, «Тампакс» — к алхимику.

— Не знаю ни одного.

— К аптекарю. По проезду Парацельса в сторону улицы Фауста всего полквартала от площади Зосима, в доме Теофраста Бомбаста фон Хохенхайма.

— Слушай, говори по-американски. Поедем к Валгрину.

— Где они сожгли беднягу Бруно в день Святой Цецилии.

— В аптеку Скэга?

Они зашли к Скэгу, где доктор прописал себе термитные свечи, затем в скобяную лавку за металлическим порошком и хлопьями плюс 10 галлонов керосина (для их увлечения рекламными щитами). Бьюик-универсал был уже основательно загружен и весь благоухал химикатами. (Химикаты! Химикаты! — пел Хейдьюк). Док купил камуфляжную сетку 20x30 футов на складе Боба Бергена, вместе с некоторыми другими позициями их списка, а также вещами, которые они сочли совершенно необходимыми, к примеру, кремниевую зажигалку (для этих дождливых дней), пару ярко-красных подтяжек цвета пожарной машины, чтоб поддерживать мешковатые брюки Дока, новую соломенную шляпу с обширными полями из Гватемалы для Бонни, и подарки для Хейдьюка и Смита: изолированную подставку для пивной банки и хроматическую губную гармонику Хонера. Док прикрыл все их покупки камуфляжной сетью. Затем заехали еще в один магазин, где купили определенные весьма важные для них топографические карты.

— Все?

Перечитали список, проверили дважды. — Ну, все, — говорит Док. — Санта Клаус едет в город. Они спрятались от жары и яркого послеполуденного солнца в прохладу и полумрак бара, сплошь обитый каким-то мягким звукоизоляционным материалом. Даже стены были им обиты; бар был похож на старую добропорядочную психиатрическую лечебницу. Свечи тускло мигали внутри маленьких красных глобусов. На бармене был красный пиджак и черный галстук. Было около четырех, и бар был наполовину заполнен юристами, архитекторами, политиками из мэрии. Именно то место, какие Бонни больше всего ненавидела.

— Какая удручающая берлога! — сказала она.

— Давай выпьем чего-нибудь холодненького и рванем домой.

— Тебе не домой. Тебя ждут к пяти в Медицинском центре.

— Верно. Обрато в лавку мясника.

— Доктор Сарвис! Она притворяется шокированной.

— Ну, иногда я так чувствую, — сказал он извиняющимся тоном. — Иногда, милая девочка, я думаю ...

— Да? Думаешь что?

Официантка с коктейлями стала между ними. На ней было нечто совершенно прозрачное, что едва ли можно было считать одеждой. Ей тоже все это надоело. Она принесла им напитки и уплыла прочь. Док смотрел ее вслед. Эти бледные бедра мне нравятся.

— Да, так что же ты думаешь? — спросила Бонни.

Они чокнулись. Док всматривался в ее глаза.

— Я люблю тебя, — солгал он. В тот момент его мысли были в двадцати футах оттуда. В тысячах миль оттуда.

— Что еще новенького?

— Терпеть не могу этих витиеватых еврейских выражений.

— Терпеть не могу этих фальшивых любовных деклараций.

— Фальшивых?

— Да, фальшивых. Ты вовсе не думал обо мне, когда говорил это. Ты, наверное, думал, — один Бог знает, о чем ты думал. Но не обо мне.

— Ладно, — отвечал он. — Давай поссоримся. Какой прелестный способ успокоить мне нервы перед маленькой операцией, которая мне предстоит. Всего только удаление мениска.

— Я рада, что я не твоя пациентка.

— Я тоже. — Он выпил половину своего джина с тоником. — Ну, ладно, ты права. Я сказал это для проформы. Но все равно это правда. Я же люблю тебя. Если бы тебя не было рядом, я был бы несчастным одиноким стариком.

— Вот именно, рядом. Нужен же кто-то рядом, чтобы содержать в порядке твое расписание приемов, стирать твои вонючие носки. Чтобы нянчиться с тобою, чтобы ты не тащил ногу в рот и не натягивал пластиковые мешки на голову. Чтобы быть твоим шофером, возить тебя по городу, убирать твой дом время от времени и хорошо смотреться в бассейне.

— Давай поженимся.

— Это у тебя панацея от всех бед.

— Что в этом плохого?

— Я устала быть твоей прислугой. Ты думаешь, я хочу это узаконить?

Док Сарвис был несколько озадачен такой постановкой вопроса. Он осторожно потягивал вторую половину своего джина с тоником. — Но тогда, черт подери, чего же ты хочешь?

— Я не знаю.

— Так я и думал, — сказал он. — Ну так и помалкивай.

— Но я знаю, чего я не хочу, — добавила она.

— Свинья тоже это знает, мадам.

— Ну и что? Чем тебе не нравятся свиньи? Мне они нравятся.

— Я думаю, ты влюбилась в Джорджа.

— Нет уж, не в ту свинью. Нет, спасибо.

— Смит? Старина Редкий Гость, так сказать?

— Что ж, это более правдоподобно. Он приятный мужчина. Он мне нравится. Я думаю, он отнюдь не равнодушен к женщинам. Но мне кажется, он достаточно основательно женат.

— Всего три жены. Ты могла бы быть Женой Номер Четыре.

— Мне больше нравится, пожалуй, иметь четырех мужей. И навещать каждого раз в месяц.

— У тебя уже есть три любовника. Хейдьюк, и Смит, и бедняга доктор Сарвис, доктор медицины. Не говоря уж обо всех твоих котиках, цыплятках, недоученных студентах и хиппи — дегенератах, которые крутятся около твоего пластикового иглу там, в Большом городе.

— Эти люди — мои друзья, а вовсе не любовники, как ты говоришь, хотя вряд ли ты можешь это понять.

— Если у них член такой же хлипкий, как и позвоночник, тогда я могу понять, почему они не любовники.

— Я ничего такого про них не знаю.

— Но я же их видел. Все одинаково стараются выглядеть по-разному. Двуполые антропоиды.

— Они просто хотят вести свой собственный образ жизни. Они пытаются вернуться к тому, что все мы давным-давно утратили.

— Подвязывать волосы ленточкой — еще не значит быть индейцем. Выглядеть, как сорняк, еще не значит быть частью природы.

— Они, по крайней мере, никому не причиняют вреда. Ты просто завидуешь.

— Я устал от людей, которые не причиняют вреда. Я устал от мягких, слабых, пассивных людей, которые не могут совершить что-нибудь или произвести что-нибудь. Кроме детей.

— Ты устал, Док.

Он поднял плечи, нахмурился и изобразил Джорджа В. Хейдьюка: —Я никого не люблю, — пробурчал он.

Бонни улыбнулась, глядя поверх своего полупустого бокала. — Пора уходить отсюда. Ты опоздаешь.

— Давай. Он дотянулся до ее бокала и допил за нее его содержимое. Они поднялись, чтобы уходить. — Да, и еще одно.

— Что?

Док притянул ее к себе. — Все равно я тебя люблю.

— Вот это мне нравится, — сказала она. — Такие одинаковые признания в любви.

— Я еще и обеими руками владею одинаково. Он продемонстрировал.

— О, Док... не здесь, ради Бога.

— А как насчет... здесь? Там?

— Пошли! Она потащила его прочь из этой тщательно умягченной психиатрической лечебницы, вверх по лестницы к тротуару в ослепительно яркий свет, сумасшедший рев, безумную суету Альбукерка. К востоку от башен из стали, стекла и алюминия стояли горы, шершавые камни гор Сандиас. Теперь их пересекала подвесная канатная дорога и увенчивала остроконечная корона пилонов телевидения. Там, где прежде большерогий горный баран охранял скалы и утесы, теперь забавлялись туристы, дети стреляли в птичек из своих игрушечных пистолетов. На западе на фоне блеклого горизонта, в полуденной дымке, возвышались, как стража, три вулкана, пока что молчащих, — черные, морщинистые, развороченные.

На автостоянке он ласкал ее всю дорогу от ворот до машины.

— Господи, ты сегодня такой настырный.

— Я истинный и верный единорог любви.

Она втащила его в машину, раздувшийся от товаров Бьюик-универсал, ловко вырулила со стоянки и направилась на автостраду. По дороге, подхваченная общим движением транспорта, она отдалась ласкам его больших, красивых, внимательных рук, которые были и вправду, как он хвалился, обе одинаково ловкие. Когда они выехали на автостраду, она, однако, оттолкнула его руку, — ту, что была внизу, и нажала на газ.

— Не сейчас, — сказала она.

Док отдернул руку. Он казался обиженным.

— Мы опоздаем, — сказала Бонни.

— Это всего лишь менискэктомия, — ответил он. — Не остановка сердца. Что такое мениск, чтобы становиться между влюбленными?

Она молчала.

— Мы же все еще влюбленные, разве нет?

В тот момент она не была уверена. Что-то неясное угнетало ее мозг, ощущение чего-то недостающего, чего-то потерянного, что еще предстояло найти.

— Мы любили друг друга прошлой ночью — мягко напомнил он ей.

— Да, Док, — наконец ответила она.

Он раскурил еще одну сигару. Сквозь первое облако дыма, бесформенное вначале, затем скрутившееся и, наконец, расплывшееся по контурам приборной доски и ветрового стекла, он задумчиво глядел на крутые откосы горы за беспорядочным скоплением городских зданий в дымной вуали.

Бонни на мгновение положила руку на его колено, сжала его слегка и снова положила ее на руль, поскольку одновременно она пыталась объехать большую машину впереди — с полосы на полосу, обратно, ныряя в поток машин и выныривая из него, все время при этом удерживаясь на безопасном расстоянии от того парня впереди. Черт его подери, двигался бы наконец или убрался к дьяволу с дороги! Как сказал бы Хейдьюк, подумала она. Док вовсе не опаздывал, — это она торопилась. Торопилась, поняла она, избавиться от него на некоторое время.

Бедняга Док; она почувствовала на мгновение острый прилив любви к нему. Теперь, когда она бросает его. Совсем.

Он не долго оставался в плохом настроении. — Посмотри на эти машины, — обратился он к ней. — Посмотри на них — едут себе на своих резиновых шинах, в своих двухтонных машинах, загрязняя воздух, которым мы дышим, насилую землю ради того, чтобы ленивым, жирным американским задницам можно было свободно проехать. Шесть процентов мирового населения поглощают сорок процентов мировой добычи нефти. Свины! — заорал он, потрясая своим огромным кулаком в сторону проезжающих мимо водителей.

— А мы? — спросила она.

— Я о нас и говорю.

Она высадила его у служебного входа неврологического отделения Медицинского центра и заторопилась домой по улице, пандусу и автомагистрали, к своему «пластиковому иглу» в «Больном городе». Ей нужно будет заехать за доктором в пять часов. Надо бы купить этому мужчине велосипед, — думала она, — но он, конечно же, не сумеет даже припарковать его как следует, не говоря уж о том, чтобы безопасно проехать на нем по городской улице.

Она добралась домой усталая от напряженной езды. Войдя в свой дом, она постояла минутку, оглядывая его. Все было в порядке, на своих местах, тихим, спокойным, мирным. Ом, добрый Ом. Кот подошел к ней, коротко мяукнув, и начал, мурлыча, тереться о ее ногу. Она погладила его, потом зажгла ароматическую палочку, поставил запись Рави Шанкара — вечернюю мелодию — и уселась на коврик, скрестив ноги, в позе лотоса, сосредоточив взгляд на вращающемся диске с записью — тридцать три с третьей оборота в минуту — и неумолимо, слегка подрагивающем электропроигрывателе. Из усилителей монотонно жужжал ситар, звуча широко и низко в этой комнате без углов. С ее позиции на полу дом ее казался ей просторным, как планетарий; хрустальные гроздьи в верхней точке свода сияли, как звезды. Позднее, яркое послеполуденное солнце, косо проникая сквозь полиуретановые стены, наполняло весь купол мягким, рассеянным, кокаиновым блеском.

Она прикрыла глаза, чтобы лучистый рассеянный свет охватил ее мозг. Кот тихонько лежал у ее ног. Снаружи до нее доносилось только отдаленное бормотание, отголоски беспокойного городского муравейника, смягченные стенами ее дома. Она постепенно отключалась от внешних звуков, сосредоточиваясь на своей внутренней реальности.

Город стал нереальным. Док Сарвис, правда, все еще глядел на нее, но уже с периферии ее сознания, как Килрой через забор, красный нос и прочее. Она пресекла мысль о нем; он

превратился в нуль, ничто, потерял законную силу. Последние нервные вибрации автострады затихли и угасли. Шаг за шагом она освобождала и успокаивала свой мозг, снимая один за другим все отпечатки событий дня — поездка по магазинам за покупками, прыщавый мальчишка, странный груз в машине Дока, и то, как он смотрел на ее ноги, и их бесцельный разговор, поездка в больницу и его грузное тело, удаляющееся шаркающей походкой и исчезающее в этих бесконечных коридорах боли, мягкий мех кота на ее выбритых икрах, звук ситара Шанкара, аромат ладана. Все уходило, угасало, соскальзывало в ничто, а она концентрировалась на своем, секретном, интимном, своем личном медитативном слове....

Но. Какое-то пятнышко, частичка, какой-то раздражитель рос, как песчинка в раковине жемчужницы, в каком-то уголке ее сознания, не имеющего углов. Глаза закрыты, нервы в покое, мозг отдыхает, — и все же она видела прядь выгоревших на солнце волос, пару ярко-зеленых глаз джек-мормона, клювоподобный нос, она чувствовала направленные на нее телепатические микроволны. За клювом, несколько в стороне, тонкий сетчатый узор танцующих микро точек превратился в образ, мимолетный, но верный, бородатого бездельника с глазами, как две желтых дыры от мочи в снежном сугробе.

Бонни открыла глаза. Кот лениво потянулся. Она взглянула гладкий, вращающийся диск на слегка прогнувшемся проигрывателе — она слышала спокойные, томные, гипнотические завывания, гудение, резкий звук струны и однообразное пение Рави Шанкара и его индийской цитры. Ему аккомпанировали маленькие темные руки, танцующие на туго натянутой бычьей коже ритуального барабана шакти-йоги. (Ло, бедный индус, старается изо всех сил).

Ну, че-ерт, подумала мисс Абцуг. Ну, Господи Иисусе Христе, подумала она. И встала. Кот, мурлыча, вился у ее ног. Она пнула его, не слишком сильно, в кучу подушек. Святая Матерь Божья, мать твою, думала Бонни, мне надоело. Как мне все надоело! Ее губы шевелились.

— Хочу каких-нибудь действий, сказала она негромко, в мягкую тишину своего дома — купола.

Ответа не последовало.

Громко, решительно, вызывающе, она сказала: —Пора, ко хренам, браться за работу!

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:01:22

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:01:40